

Литература

1. Бушканец Л.Е. «Он меду нами жил...». А.П. Чехов и русское общество конца XIX – начала XX века / Л.Е. Бушканец. – Казань: Казанский ун-т, 2012. – 756 с.
2. Гиппиус З.Н. Собрание сочинений. Т.7 / З.Н. Гиппиус. – М.: Русская книга, 2003. – 528 с.
3. Сатирикон. СПб. – 1910. – №46. – 13 ноября. – С. 8
4. Стернин Г.Ю. «Сатирикон» и «сатириконцы» / Г.Ю. Стернин // Очерки русской сатирической графики. – М.: Искусство, 1964. – С. 269–302.
5. Хренов Н.А. Опыт культурологической интерпретации переходных процессов / Н.А. Хренов // Искусство в ситуации смены циклов / отв. ред. Н.А. Хренов. – М.: Наука. 2002. С. 11–55.
6. Чуковский К.И. Собрание сочинений: В 15 т. Т. 6 / К.И. Чуковский. – М.: ТЕРРА – Книжный клуб, 2002. – 624 с.
7. Чуковский, К.И. Собрание сочинений: В 15 т. Т. 7 / К.И. Чуковский. – М.: ТЕРРА – Книжный клуб, 2003. – 736 с.

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ МЕЖДУ ЯЗЫКОМ И СОЦИАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТЬЮ В МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Макдональд Альбина Ивановна

*кандидат психологических наук, тьютор-волонтер, Ассоциация
обучения взрослого населения, Канада, г. Кэмпбелл Ривер
e-mail: albinahook@yahoo.com*

Хурматуллина Рашида Шамсиевна

*кандидат филологических наук, доцент, Набережночелнинский
институт Казанского (Приволжского) федерального
университета, Россия, г. Набережные Челны
e-mail: rashida2008@rambler.ru*

Аннотация. В данной статье рассматривается проблема взаимоотношения между языком и социальной идентичностью в межкультурной коммуникации. Подчеркивается, что социальная идентичность – это структура знания, а язык – маркер социальной идентичности. Проводятся разные точки зрения ученых на лингвистическую идентификацию и языковую ассимиляцию. Выделяется роль языка в подтверждении социальной идентичности и сохранении межгрупповой индивидуальности. Наряду с этим

авторы обращаются к эмпирическим исследованиям по определению взаимосвязи социального представления и группы, в результате чего приходят к выводу, что понимание взаимосвязи между социальной идентичностью и языком необходимо для того, чтобы уметь вести общение с людьми других культур.

Ключевые слова: язык, общение, межкультурная коммуникация, социальная идентичность, теория социальных представлений.

По мере того, как мир все больше приближается к тому, что принято называть «глобальной деревней», такие угрозы всему человечеству, как глобальное потепление, техногенные катастрофы и экономические кризисы, требуют от людей разных народов работать совместно. Знание более чем одного языка становится жизненно важным инструментом для взаимного понимания и общения с людьми других культур, не только в других странах, но также и внутри одного общества.

Так как язык является важной основой для социальной категоризации, он также выступает как последующий маркер социальной идентичности. Если социальная идентичность – это структура знания, а язык – маркер социальной идентичности, вариации языка могут сделать определенную социальную идентичность заметной, таким образом активируя когнитивные элементы, ассоциируемые с ними [10, с. 39–40].

Некоторые психологи заявляют, что лингвистическая идентификация не так необходима для этнической идентификации и что аккультурация неизбежно ведет к языковой ассимиляции. Например, Эдвардс [6, с. 56] утверждает, что многие этнические группы могут поддерживать солидарность, даже утратив способность говорить на родном языке. В этой связи А.С. Маркосян приводит пример, что множество армян, живущих в России и не владеющих армянским языком, во время переписи населения идентифицируют себя именно как армяне [4, с. 47]. У. Вайнрайх обратил внимание на то, что «Двужычный носитель стремится придерживаться норм той группы, к которой он принадлежит» [4, с. 45]. Эдвардс же замечает, что когда этническое меньшинство начинает контактировать с доминантной группой, языковая ассимиляция сопровождается неспособностью обучить молодое поколение родному языку, воз-

можно, отражая решение заменить язык группы языком, который воспринимается более престижным и социально функциональным [6, с. 41]. Как показывает жизнь, языковая ассимиляция быстрее происходит в городе, так как в сельской местности меньше возможностей для контакта с носителями доминантного языка. Замечено, что первые два поколения мигрантов еще двуязычны, но о сохранении двуязычия они, как правило, не заботятся. Для первых поколений носителей другого языка, отличного от титульного, на первом месте стоят проблемы выживания и закрепления на социальной лестнице. Последующие поколения постепенно утрачивают свою двуязычность, проходя иногда через стадию так называемого полужычия до полного одноязычия.

А.И. Донцов замечает, что для индивидов с биэтнической идентичностью характерен высокий уровень компетентности, как в этническом, так и в «чужом» языке [2, с. 16]. Это предполагает, что этническая идентификация обычно сопровождается лингвистической идентификацией, и аккультурация не всегда приводит к возникновению лингвистической идентификации.

Язык также может играть роль подтверждения социальной идентичности и сохранения межгрупповой индивидуальности. Речевые стили людей имеют тенденцию к речевому схождению (т. е. уподоблению речевым стилям собеседников), хотя при определенных обстоятельствах встречаются и речевые отклонения. Социальные психологи, изучающие межгрупповую коммуникацию, исследовали схождение и отклонение в межгрупповых контекстах как функцию социальной идентичности говорящего [10, с. 42].

Теория социальной идентичности (Тэджфел, Тёрнер) [11; 12; 13] предполагает, что члены группы стремятся к позитивной социальной идентичности, занимаясь социальным сравнением важных признаков. Речевое отклонение может быть стратегией, которую используют говорящие для того, чтобы сделать себя отличными от членов другой группы [7; 8; 9]. Согласно этой точке зрения, социальные группы отличаются относительным статусом или этнолингвистической жизнеспособностью. Социальная группа имеет высокий статус или этнолингвистическую жизнеспособность, если ее члены говорят на популярном, уважаемом языке, который

имеет хорошее представление в общественных учреждениях. Так как язык более витальной группы ассоциируется с более высоким социальным престижем, члены менее витальной группы обычно демонстрируют групповое отклонение для сохранения позитивной групповой индивидуальности [10, с. 43]. Поэтому, по мнению А.И. Донцова, чем выше реальная или воспринимаемая этнолингвистическая жизнеспособность группы, тем в большей степени индивиды стремятся с ней идентифицироваться [2, с. 76].

Теория социальных представлений является важнейшим инструментом познания самых разнообразных социальных явлений. Взаимосвязь социального представления и группы неоднократно фиксировалась в эмпирических исследованиях, что позволило установить два ее направления:

- а) влияние группы на социальное представление;
- б) влияние социального представления на группу.

Кроме выявления некоторых общих закономерностей такого влияния, было установлено, что предложенный анализ позволяет проследить сходство и различие подхода С. Московичи и Г. Тэджфела [1, с. 215].

Влияние группы на социальные представления можно проследить, в свою очередь, по следующим линиям:

1. Группа фиксирует определенные аспекты воспринимаемого явления. То, что определяется в традиционном когнитивистском подходе как «выпуклость», зафиксировано не только индивидуальным сознанием, но именно «предписано» группой. Так, внешний вид, использование молодежного сленга в речи молодого человека могут быть вовсе не интерпретированы как нечто «выпуклое» сверстниками, но именно в таком качестве предстанут перед представителями другой возрастной группы [1, с. 216];

2. Группа влияет на принятие – отвержение той или иной информации, устанавливая уровни доверия к источникам информации, а также определяя санкции к несогласным и меру допустимой толерантности к ним;

3. Группа влияет на частоту использования социального представления, а именно на частоту употребления в коммуникации того или иного представления, апелляции к нему при принятии группо-

вого решения, что само по себе является индикатором значимости данного представления в групповой жизни.

Не менее важен обратный путь воздействия – социального представления на группу. Это воздействие заключается в следующем:

а) при помощи социального представления группа может варьировать способы манипуляции фактами общественной жизни так, чтобы это было в пользу интересов группы при сравнении этих интересов с интересами других групп;

б) социальные представления способствуют формированию социальной идентичности, т. е. не просто идентификации индивида с группой, но выработке своего собственного «группового» самосознания, восприятия себя как элемента системы, имеющей общее мировоззрение, общий взгляд на мир [1, с. 216].

Что касается взаимоотношений личностной и социальной идентичности, предполагается, что чем сильнее идентификация с группой, тем более значима межличностная дифференциация внутри групп. Другими словами, как заметил В.Н. Павленко, чем более индивид идентифицирует себя с группой, тем более у него выражена тенденция воспринимать себя отличным от других членов группы в том плане, что он более, чем другие члены группы, соответствует ее нормам и стандартам [5, с. 140–141]. Л.П. Крысин обратил внимание на то, что дорожа мнением группы и своей репутацией в глазах ее членов, человек в присутствии группы строит свою речь с ориентацией на групповые ожидания, на то, как принято говорить в этом узком кругу. Членом группы в его речевом поведении руководят два взаимосвязанных мотива: с одной стороны, не отличаться по речевой манере от остальных членов группы, а с другой, показать, что он принадлежит к данной группе, что он «свой» [3, с. 82].

Таким образом, понимание взаимосвязи между социальной идентичностью и языком необходимо для того, чтобы уметь вести общение с людьми других культур. Язык символизирует собой культуру, которая является групповым способом структурирования мира для того, чтобы избежать хаоса и обеспечить выживание группы.

Литература

1. Андреева Г.М. Психология социального познания / Г.М. Андреева. – М.: Аспект-Пресс, 2000. – 288 с.
2. Донцов А.И. Язык как фактор этнической идентичности / А.И. Донцов, Т.Г. Стефаненко, Ж.Т. Уталиева // Вопросы психологии. – 1997. – №4. – С. 75–86.
3. Крысин Л.П. О речевом поведении человека в малых социальных общностях / Л.П. Крысин // Язык и личность. – М.: Наука, 1989. – С. 78–86.
4. Маркосян А.С. Язык в этнической самоидентификации и культурной интеграции / А.С. Маркосян // Мир психологии. – 2004. – №3. – С. 43–53.
5. Павленко В.Н. Представления о соотношении социальной и личностной идентичности в современной западной психологии / В.Н. Павленко // Вопросы психологии. – 2000. – №1. – С. 135–141.
6. Edwards J. Language in group and individual identity / J. Edwards // Social psychology of identity and self concept. London: Surrey University Press, 1992.
7. Giles H. Ethnicity markers in speech / Giles H // Social markers in speech. – 1979. – P. 251–289.
8. Giles H. Linguistic differentiation between ethnic groups / H. Giles // Differentiation between social groups. – London: Academic Press, 1978. – P. 361–393.
9. Giles H. Social psychology and applied linguistics: Towards an integrative approach / H. Giles // ITL Review of Applied Linguistics, 1977. – P. 27–42.
10. Gurin P. Group contacts and ethnicity in the social identities of Mexicanos and Chicanos / P. Gurin, A. Hurtado, T. Peng // Special Issue: The self and the collective. Personality and Social Psychology Bulletin, 1994. – P. 521–532.
11. Hornblower M. No tolerance for diversity / M. Hornblower // Time. – 1995. – November, 13. – P. 58–59.
12. Tajfel H. Social identity and intergroup behaviour / H. Tajfel // Social Science Information, 1974. – P. 65–93.
13. Turner J.C. The experimental social psychology of intergroup behaviour / in J.C. Turner & H. Giles, Intergroup behaviour. – Oxford: Blackwell, 1981. – P. 66–101.